Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ № 10—12 1930

СОДЕРЖАНИЕ.

Постановление ЦК ВКП (б) о журнале «Под Знаменем Марксизма» (1). **Передовая**—Важнейший исторический документ. (3). Итоги философской дискуссии (Резолюция Бюро ячейки ИКП Ф. и Е.). (15). **М. Митин.**—К итогам философской дискуссии. (25). **М. Фуршик.**—Философские заметки. (60). **И. Разумовский.**—Ленин и исторический материализм. (82). **П. Кучеров.**—Ленин и теория познания Плеханова. (113). **П. Вышинский.**—Философия буржуазных реставраторов (кондратьевщина). (143). **И. Вайнштейн.**—Методология экономической апологетики (критика методологии Струве). (160). **Н. Петров.**—Национальные хозяйства как узлы мировых хозяйственных связей. (192). Резолюция Президиума Комакадемии о естественно-научном фронте. (251). **П. Серебровский.**—Диалектика в эволюционном процессе (ответ А. Серебровскому). (255). **В. Рудаш.**—О некоторых основных понятиях механики и диалектики. (288). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: **Шевкин.**—Ник. Карев.—За материалистическую диалектику. (315). **Л. Арисьян.**—О философском разделе ленинградских «Проблем Марксизма». (326). **А. Максимов.**—Большая Советская Энциклопедия. (339). **В. Боровский.**—Философствующие естественники.—Эмерджентная эволюция. (352). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ: Резолюция Ивановской организации ОВМД. (360). Письмо Дмитриева. (363). Содержание ПЗМ за 1930 год. (364).

О журнале „Под Знаменем Марксизма“.

(Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года).

1. Несмотря на известные достижения, которые были в работе „Под Знаменем Марксизма“, в особенности по борьбе с механицизмом, представляющим попытку своеобразной ревизии марксизма, журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье „О значении воинствующего материализма“, не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения. Ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и практически разрешаемых партией, журналом не была поставлена.

2. Журнал „Под Знаменем Марксизма“ исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа, как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией группы тт. Деборина, Карева, Стэна и др., фактически превратившей журнал, особенно за последнее время, в свой групповой орган.

развития советской республики. Согласно т. Деборину возможность победы социализма и возможность раскола с крестьянством суть возможности «одинаково имеющие свои основания в действительности», обе они ограничены об'ективной необходимостью и сами «имеют свои основания в этой необходимости, в данном социальном строе». «Мы можем сознательно действовать в направлении одной возможности, отрицающей другую возможность». «Вместе с тем здесь крайне важно то, что развитие противоречий происходит на основе одной определенной возможности», именно, — «победы социалистических элементов нашей экономики» [1]). Таким образом у т. Деборина получается, с одной стороны, явное противоречие ленинским положениям, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола». Ограничивая обе возможности, стало быть и возможность победы социализма «об'ективной (?) необходимостью», т. Деборин явно не учитывает классового содержания необходимости нашего социального развития. Он недооценивает того обстоятельства, что пути и средства борьбы, проводимые рабочим классом и его партией, предотвращают раскол, делают, его не необходимым, что эта борьба входит обязательной составной частью в «необходимое и достаточное» для победы социализма. Правда, т. Деборин говорит, что «в действительной жизни всегда борются различные тенденции», но по т. Деборину это — лишь «зигзаги» действительности, и развитие противоречий происходит у него необходимо на основе лишь одной определенной возможности — победы социализма. Спрашивается: чем такое понимание «борьбы» в рамках одной заранее предопределенной возможности победы социализма, отличается от того, что говорит о «классовой борьбе» т. Бухарин, который также не отрицает наличия некоторых «зигзагов» действительности на пути «врастания в социализм?! И многого ли стоит в этих условиях «сознательное действие» т. Деборина «в направлении одной возможности», которая и без того сама по себе «отрицает» другую возможность!

Так своеобразный «суб'ективизм» в трактовке нэпа и в понимании «осуществленной возможности» социалистического строительства сочетается у т. Деборина с чисто-гегелевским об'ективизмом в понимании путей нашего развития. Получается подлинный «синтез об'ективизма и суб'ективизма» [2]), как стремится определить метод диалектического материализма сам т. Деборин!

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция отмечает, что т. Разумовский занимаясь в статье вопросами исторического материализма, ни единым словом не упоминает о своих ошибках в этой области.

[1]) Там же, стр. 135; разрядка наша.
[2]) А. Деборин, Ленин как мыслитель.

Ленин и теория познания Плеханова [1])

П. Кучеров.

Разрзботать:

Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1.000 страниц... Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т.-е. собственно диалектика как философская наука) ничего!!

Ленин.

Отношение Ленина к теоретико-познавательным взглядам Плеханова, является классическим образцом непосредственной связи философии диалектического материализма и политики большевистской партии.

Меньшевиствующий идеализм деборинской группы не мог дать удовлетворительного решения этого вопроса. Отрыв философии от политики партии, влияние худших сторон мировоззрения Плеханова сказались в неправильном понимании т. Дебориным взаимоотношения Ленина и Плеханова как философов. По мнению т. Деборина, различие ленинского и плехановского понимания вопросов философии отражает «особенность исторических фаз в развитии революционного движения» [2]). В этой формуле смазывается весь процесс политической борьбы большевизма с меньшевизмом, игнорируется совокупность ошибок Плеханова в философии, представляющих собой отход от диалектического материализма Маркса и Энгельса.

Пытаясь исправить Деборина, т. Карев выдвигает несколько иную, но столь же неверную, нелениниую точку зрения на взаимоотношение Ленина и Плеханова. «Плеханов и Ленин,—говорит Карев,—представляли не различные эпохи в рабочем движении, а различные струи в нем — различную глубину его понимания» [3]). В марксизме не существует множественности струй, в политической партии пролетариата нет множественности течений, группировок, выдерживающих теоретически и практически марксистскую характеристику. Ошибки Плеханова находятся за пределами марксизма, правильное у Плеханова является ценным приобретением марксистской мысли. Точка зрения Карева в оценке Ленина и Плеханова реставрирует меньшевистско-троцкистское понимание свободы фракционных укладов.

Революционный марксизм представляет собою единую, последовательную методологию, на определенном этапе характеризующуюся, как ленинизм в политике, в теории и философии.

Методология марксизма органически связана с процессом пролетарской революции. «Ленинизм вырос и оформился, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом

[1]) Статья печатается в порядке обсуждения. *Ред.*
[2]) Ленинский сборник IX, предисловие Деборина, стр. 3.
[3]) Карев, О Ленинском сборнике, «П. З. М.» № 6, 1930 г. стр. 35.

непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период штурма капитализма» [1]). Ленинизм вырос и оформился в борьбе за непосредственную организацию пролетарской революции, в борьбе с оппортунизмом в рабочем движении.

Эта элементарная для большевика истина должна быть взята за основу при изучении ленинского философского наследства.

Оппортунизм в рабочем движении всегда сопровождался и сопровождается выхолащиванием революционного содержания марксизма, извращением основных положений диалектической методологии. Логика политических ошибок непосредственно связана с недостатками политической методологии, с непониманием, с извращением и ревизией методологии диалектического материализма.

Ленинская критика ошибок Плеханова в философии марксизма, неразрывно связана с критикой меньшевистской тактики периода 1903—1917 годов. Ленин вскрывает в политической методологии Плеханова ряд существенных ошибок плехановского понимания диалектики.

Разногласия между Плехановым и Лениным в программных вопросах пролетарского движения выявились в отчетливой форме уже в 1902 году. В своих «Замечаниях на первый проект Плеханова программы РСДРП» Ленин вскрывает ряд существенных ошибок в теории познания Плеханова. Первый и второй проекты программы Плеханова страдают формалистическим выведением основных задач партии из самого понятия, из «дефиниции» развитого капитализма. В обоих проектах извращается основная суть теории познания марксизма, игнорируется необходимость рассмотреть процесс во всей его конкретности. С точки зрения диалектической методологии подход Плеханова нелогичен, формален и неправилен. «§ V проекта Плеханова дает с точки зрения Ленина дефиницию «развитого» капитализма вообще».... Такой прием нелогичен и неправилен. Неправилен — потому, что борющийся пролетариат учится тому, что такое капитализм, не из дефиниции, а из практического ознакомления с противоречиями капитализма, с развитием общества и его последствиями. Нелогичен — потому, что процесс вытеснения мелкого производства крупным (§ VI) и процесс распадения общества на собственников и пролетариев (§ V) есть один и тот же процесс» [2]).

Методология Плеханова не вскрывает природу противоречий, подлинную сущность развития. Плеханов не понимает единства противоречий процесса. Непонимание единства противоречивых сторон процесса составляет коренную ошибку плехановской теории познания. Непонимание единства противоположностей является основной сутью «нелогичности» теории познания Плеханова.

В политической методологии Ленин вскрывает уже в 1902 г. основной недостаток философских взглядов Плеханова. С дальнейшим ростом пролетарского движения, с дальнейшим размежеванием большевистской тактики в революции от оппортунистической политики меньшевиков, углублялось различие ленинского и плехановского понимания диалектики. В своей полемике против большевистской тактики Плеханов, не переставая, говорил, и говорил с большим пафосом, о непонимании Лениным и его последователями философии марксизма. Ни одно выступление Плеханова не обходилось без «иезуитской ссылки на диалектику» (Ленин). «Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина на счет теории и особенно философии» (Сталин). Чем больше углублялись разногласия в рядах русской социал-демократии, чем подлее становилась тактика русского меньшевизма,

[1]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 76.
[2]) Ленин, Замечания на второй проект программы Плеханова, т. V, стр. 13.

тем больше опошлялись Плехановым основные принципы революционного марксизма, тем существеннее им извращались основные законы материалистической диалектики.

Ленин, вопреки мнению Деборина, не был и не мог быть учеником Плеханова в области философии. В те годы, когда Плеханов был революционным марксистом, в годы появления ряда его работ против народничества, Ленин высоко ценит политическую, теоретическую, философскую деятельность Плеханова. Такое произведение Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», навсегда вошло в классическую литературу марксизма. Однако в своих работах «Что такое друзья народа» и «Экономическое содержание народничества» Ленин исходит непосредственно и самостоятельно из основных теоретических положений марксизма и, в первую очередь и главным образом, из методологии «Капитала» Маркса. Ленин эпохи борьбы с народничеством выступает как теоретик, в совершенстве владеющий философией марксизма.

Уже то обстоятельство, что в период 1894—1899 гг. Лениным «с чрезвычайной ясностью формулирована... «теория отражения»: «идеальное есть только отражение материального» [1]), говорит о самостоятельном развитии Ленина, независимом от философского пути Плеханова.

Теория отражения устанавливает материалистическое понимание диалектики, логики и теории познания. Для Ленина формы мысли отражают действительность, в логических категориях мышления отражается диалектика об'ективных материальных процессов, в этих же категориях вскрываются характерные особенности человеческого познания.

Плеханов никогда не понимал теории отражения, устанавливающей единство диалектики и теории познания в марксизме. Об этой теории Плеханов умалчивает в своей характеризованной выше книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Этой теории он в 1892 г. противопоставляет кантианскую теорию иероглифов.

Ленин дает самостоятельную критику народничества, независимую от плехановской полемики с Михайловским, Кареевым и К°. Это наглядно доказывают две работы, относящиеся к 1894 г., — «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве». Уже в ранних работах Ленин выступал совершенно зрелым материалистом-диалектиком.

«Лениным была самостоятельно продумана сущность метода Маркса, и он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики» [2]).

Самостоятельная работа Ленина над теорией марксизма, самостоятельное применение этого метода к вопросам рабочего движения в России, к организационным и тактическим принципам партии обуславливает возможность теоретической критики Лениным Плеханова.

Социально-политическое перерождение, превращение меньшевистской партии из оппортунистической в буржуазную сопровождается изменением идеологических и, в частности, философских принципов меньшевизма. Уже на первых ступенях партийной борьбы ленинизма с оппортунизмом становится возможным обнаружить основные черты буржуазного метафизического способа мышления в политической методологии меньшевиков. Основная черта буржуазного мышления выражается в одностороннем преувеличении, в возведении в абсолютную догму одной стороны сложного многообразного процесса

[1]) В. Адоратский, О занятиях Ленина философией, «Большевик», № 2, 1930 г., стр. 92.
[2]) Там же, стр. 91.

развития. Метафизическое обособление определенной стороны процесса, неразрывно связанной со всей закономерностью развития, превращение этого кусочка действительности в целое, в единственно существующую действительность Ленин устанавливает, как характерную особенность политической логики меньшевизма.

«...Плохие вы диалектики, товарищи из «Искры»! Вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете вилять и вертеться, как Плеханов... Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота (подразумевается организация потребительских обществ. *П. К.*) неизбежно сольются в цельный, законченный «эпилог» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками. Оппортунисты социал-демократии и накануне социалистического и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, соподчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов» [1]).

В борьбе с меньшевизмом, в разоблачении оппортунистической тактики устанавливались основные черты буржуазного мышления [2]).

Политическая методология меньшевизма характеризуется формализмом, антиисторизмом — с одной стороны, механистическим противопоставлением внешнего внутреннему, отрицанием скачков, вульгарным эмпиризмом (напр., теория «зачинщика» Плеханова 1914 г.)—с другой. «Политика,— говорил Ленин в «Заметках публициста», имеет свою внутреннюю логику» (Соч., т. XII, стр. 46). Логика меньшевистской политической тактики ничего общего не имела с логикой диалектического материализма. Внутренняя логика оппортунистической политики изменяла философские взгляды Плеханова от революционного марксизма к буржуазным философским теориям. Когда-то революционер-материалист, диалектик, талантливейший представитель марксизма, впоследствии оппортунист, оправдывающий политическое предательство пролетариата «опошлением марксизма», «карикатурой на марксизм» (Ленин). «Пожалеем Плеханова,— он заслужил лучшего своей борьбой с оппортунизмом, народниками, махистами и ликвидаторами» [3]), борьбой, имевшей огромное значение для марксизма.

В восьмидесятых и девяностых годах Плеханов выступает как пролетарский революционер, как политический руководитель революционного движения в России. Отчетливо представляя себе ближайшие задачи классовой борьбы в России, Плеханов теоретически и практически подготовляет организацию партии пролетариата. Огромные заслуги Плеханова этого периода неоспоримы. Революционная практическая деятельность Плеханова до 1903 года теоретически закреплена в ряде работ, имеющих большое значение для понимания марксизма. Известны высокие оценки, данные Лениным Плеханову, как материалисту-диалектику. Ленин подчеркивает необходимость для каждого большевика ознакомиться со всем тем, что написал Плеханов в области философии, подчеркивает значение ряда философских работ Плеханова, защищающих ортодоксальный марксизм от всякого рода ревизионизма. «Мы отметим только, — писал Ленин в своей статье «Марксизм и ревизионизм» в 1908 г.,—что единственным марксистом, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили ревизионисты,— был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова» [1]).

Реакционному философскому хламу Богдановых, Базаровых и др. Плеханов противопоставил защиту ортодоксального марксизма. «Гносеологической схоластике» Конрада Шмидта Плеханов противопоставил критику кантианства. Критика Бернштейна Плехановым, резкая и принципиальная, выгодно отличает его от большинства теоретиков II Интернационала, от либерального благодушия Каутского того времени по отношению к философским взглядам Бернштейна.

Высоко ставя плехановскую критику ревизионизма, богдановщины, кантианства и др., Ленин, однако, считает эту критику недостаточно конкретной (Письмо к Горькому 24 марта 1908 г.), отмечает ее коренные недостатки (фейербахианство и т. д.).

Правильное в этой критике теснейшим образом переплетается с неправильным, ряд марксистских положений существует с отступлениями от материалистической диалектики. В 1908 г. Ленин писал Горькому: «Теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым» [2]). «Старый Плеханов» и Плеханов-оппортунист получили свое отражение в философском наследии Плеханова. Правильное и в корне неверное, с точки зрения марксизма, перепутывалось в работах, имеющих в общем большую для философии диалектического материализма ценность. Недостатки и ошибки Плеханова в области философии вскрываются Лениным, как мы видим, на всем протяжении борьбы большевизма с русским и международным меньшевизмом. Разбросанные в ряде работ: «Шаг вперед, два шага назад», «Последнее слово искровской тактики», «Материализм и эмпириокритицизм», в «Письмах», в «Конспектах «Науки логики» Гегеля», в отрывке «К вопросу о диалектике» и т. д., ленинские критические указания должны быть систематизированы. Ошибочно было бы думать, что критические указания Ленина относятся только к отдельным недостаткам философии Плеханова. Есть глубокая внутренняя связь между апологетическим отношением Плеханова к Фейербаху и его непониманием диалектики, как теории познания, между плехановским пониманием опыта и недостаточным пониманием революционной практической критической деятельности. Вся совокупность недостатков и ошибок Плеханова представляет определенную неверную для марксистско-ленинской философии тенденцию теории познания, тенденцию, вскрытую и разоблаченную Лениным. Все сказанное Лениным о Плеханове должно быть руководством при оценке этого крупного представителя марксизма. Только руководствуясь ленинской критикой Плеханова, можно отделить верное от неправильного в его философских работах, только лишь таким образом можно показать актуальную ценность Плеханова для марксизма.

* * *

Философская эволюция Плеханова неразрывно связана с историческими особенностями развития русской общественной мысли. Плеханов времен «Черного Передела» и Плеханов группы «Освобождение Труда» связан с идей-

[1]) Ленин. Последнее слово искровской тактики, Собр. соч., т. VIII, стр. 309.
[2]) Анализ политической методологии меньшевизма подводил к изучению характерных особенностей недиалектического мышления в условиях классового общества. Ленин вскрывает в своем «К вопросу о диалектике» существо идеализма, как одностороннее превращение «кусочка», «стороны», «грани познания» в абсолют. Политический опыт борьбы с меньшевизмом был учтен Лениным в его теории исторического движения познания.
[3]) Ленин, Плеханов, не знающий, чего он хочет, Соч., т. XVII, стр. 407.

[1]) Ленин, Марксизм и ревизионизм, Соч., т. XII, стр. 185.
[2]) Письмо к Горькому от 13 февраля 1908 г., Ленинский сборник I, стр. 89.

ными традициями прогрессивной революционной общественной мысли того времени. Особенное влияние на Плеханова этого периода оказывал Чернышевский. «В эпоху Казанской демонстрации Плеханов преклонялся перед ним, как величайшим учителем русской революционной молодежи. В эпоху зарождения группы «Освобождение Труда», когда он писал программную брошюру, Плеханов считал Чернышевского «родоначальником русской социал-демократии» [1]). Несмотря на обстоятельную критику философских взглядов Чернышевского в специальной работе о талантливейшем русском ученом, Плеханов не мог преодолеть до конца идейных влияний Чернышевского. С Фейербахом Плеханову удалось через Чернышевского познакомиться несколько ранее, чем с Марксом, Фейербах всегда оставался для Плеханова величайшим авторитетом в вопросах теории познания. В этом сказалось бесспорное влияние Чернышевского на формирование философской мысли Плеханова, которое сам Плеханов никогда не отрицал. В письме от 21 октября 1881 г. Плеханов писал Лаврову: «С тех пор, как во мне начала пробуждаться критичеокая мысль, вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими, развившими мой ум во всех отношениях».

Материализм Чернышевского оставался непреодоленным материализмом Фейербаха. Ряд блестящих формулировок диалектического метода данных Чернышевским, остались у него несвязанными, оторванными от его материалистической концепции. Свои материалистические взгляды он изложил в систематической форме в работе «Антропологический принцип в философии». Чернышевский стоит в этой работе на почве фейербаховского антропологизма. «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма. Наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о раздвоении человека. Философия видит в нем то, что видит медицина, физиология, а философия прибавляет, что если бы человек имел кроме реальной своей натуры другую натуру, то эта другая натура обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке по одной только его натуре, то другой натуры в нем нет» [2]). Взгляды Чернышевского на материализм, на проблему отношения суб'ективного и об'ективного являются воспроизведением взглядов Фейербаха. Для Чернышевского взгляды Фейербаха полностью подтверждались последними выводами естествознания, естественно-научные данные давали, по его мнению, исчерпывающую характеристику основной гносеологической проблемы, собственно в этом и заключался антропологизм Фейербаха и «антропологический принцип в философии» Чернышевского. Почти в тех же выражениях изображает Плеханов отношения фейербаховского исходного пункта в теории познания к естествознанию. В своей большой работе о Чернышевском он пишет: «Фейербах до сих пор является представителем самой глубокой и наиболее современной, т.-е. наиболее соответствующей нынешнему состоянию естествознания, философской теории» [3]).

Значительное влияние Чернышевского, а стало быть и непоосредственно Фейербаха, сказавшееся во всех основных философских работах Плеханова, бесспорно. «Мое собственное развитие,— говорит в одной из статей Плеханов,— совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной деятельности. Остается

[1]) Рязанов, Маркс и Чернышевский, «Летописи Марксизма» № VII—VIII, стр. 50.
[2]) Чернышевский, Собр. соч., т. VI, стр. 194.
[3]) Плеханов, Собр. соч., т. V, стр. 237.

проследить, как повлияло на литературную деятельность Плеханова в области философии это бесспорно важное событие русской общественной мысли.

* * *

Чернышевский говорил о себе, что «не имеет ни малейших притязаний сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему, что он желал бы только быть истолкователем идей Фейербаха» [1]).

Для Плеханова «Фридрих Энгельс» был человеком, который лишь «способствовал дальнейшему систематическому развитию взглядов Фейербаха» [2]). Для Плеханова «гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, она собственно и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной у ней Марксом гениальной поправки» [3]). Для Чернышевского и для Плеханова фейербахианство представляю исходный пункт правильного научного мышления. Плеханов почти полностью отождествляет теорию познания Фейербаха с марксистской гносеологией, Чернышевский пытается исходить непосредственно от философских принципоов Фйербаха.

Фейербах и Чернышевский исходили из натуралистического понимания суб'екта и об'екта. Человеческую практику Фейербах и Чернышевский рассматривали физиологически, биологически, а не социально-исторически. На почве биологизма проблема суб'екта в теории познания решалась индивидуалистически. Антропологическая точка зрения рассматривала человека только лишь, как организм, одаренный способностью чувственного восприятия. Всякая форма связи между индивидами, понималась как натуралистическая, биологическая форма связи. Предметом теории познания являлся отдельный организм, определенное тело. «Мое тело»—это исходный пункт философских рассуждений Фейербаха. Для Чернышевского предметом философии является антропологически понятый «человек, как отдельная личность» [4]).

«Нужно рассматривать, — говорил Чернышевский, — деятельность человека, как деятельность всего его организма» [5]). Плеханов, излагая решение основного вопроса философии в марксизме, продолжал мысль Чернышевского. «Я—не то отвлеченное существо, с которым оперирует идеалистическая философия, — говорил он в «Основных вопросах марксизма». — Я — существо действительное, мое т е л о принадлежит к моей с у щ н о с т и, — более того, мое тело как целое и есть моя истинная сущность» [6]). В разрешении основного вопроса философии Плеханов целиком примыкает к Фейербаху и Чернышевскому.

Не социально-историческое рассмотрение суб'екта, а биологическое понимание организма лежит в основе теории познания Фейербаха и его талантливейших русских последователей.

Конечно, Маркс не мог бы думать, вместе с Плехановым, что «в словах Фейербаха выражается все учение материалистов о суб'екте и об'екте» [7]).

Для Маркса суб'ект — это определенная «общественная деятельность», «персонификация определенного общества», «представитель определенного класса». Сказать, что «тело как целое есть истинная сущность суб'екта — это значит обойти социально-историческую характеристику суб'екта, высказав при этом полное непонимание учения Маркса об общественной практике.

[1]) Чернышевский, Собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 192.
[2]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 30.
[3]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 19.
[4]) Чернышевский, Собр. соч., т. VI, стр. 217.
[5]) Там же, стр. 237.
[6]) Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 188.
[7]) Плеханов, Соч., т. XVI, стр. 136.

Понятие суб'ективной деятельности означает трудовую, экономическую и познавательную деятельность. Суб'ект — это общественная категория. Натуралистический материализм Фейербаха, Чернышевского и, в известном смысле, и Плеханова сводит понятие суб'екта к внеисторическому содержанию. Суб'ект, таким образом, сводится к «форме об'екта», к об'екту.

Проблема познания решается диалектиком материалистом на той почве, которая специфична для познавательной деятельности. Натуралистический материализм есть по существу материализм метафизический. Проблема отношения суб'екта к об'екту разрешается Фейербахом вне качественно своеобразной диалектики суб'екта и об'екта, вне общественной практики, в сфере биологии и физиологии чувств.

Плеханов целиком соглашается с известным положением Фейербаха: «Я ощущаю и мыслю вовсе не как суб'ект, противостоящий об'екту, а как суб'ект-об'ект, как действительно материальное существо. И об'ект для меня есть не только ощущаемый предмет, но также основное, необходимое условие моего ощущения. Об'ективный мир находится не только вне меня, он также — во мне самом, в моей собственной коже».

Биологическое отношение человека к предмету является предпосылкой общественно-исторической диалектики суб'екта и об'екта, но только лишь в социальной истории имеет место трудовая, экономическая и познавательная деятельность, а стало быть суб'ективная деятельность людей.

Огромные заслуги Фейербаха перед историей материализма неоспоримы. Философия по-своему последовательного материализма Фейербаха была целым событием в немецкой духовной жизни сороковых годов. Но основное положение материализма «без об'екта нет суб'екта» Фейербах развивал в пределах «антропологии», в этом ограниченность, узость материализма Фейербаха. «Узок,—говорит Ленин,—термин Фейербаха и Чернышевского «антропологический принцип» в философии. И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные слабые описания материализма [1]).

Не в биологии и физиологии, а социальной истории марксизма устанавливает процесс суб'ективной деятельности деформирующий материальный мир, процесс конкретной деятельности, переходящий в предметы внешней природы.

Оставаясь на почве органической жизни, созерцательности материализма, Фейербах не мог правильно понять единство процессов бытия и мышления. Только в этом смысле справедливо обвинение Марксом материализма Фейербаха в созерцательности. Различие между Марксом и Фейербахом в решении основного вопроса философии существенное и принципиальное [2]).

Для Плеханова почти нет различия между Марксом, Фейербахом и Чернышевским в решении проблемы суб'екта и об'екта. «Сторонник учения Маркса, — писал он, — и теперь не может не согласиться с верным последователем Фейербаха и Чернышевского, что касается взгляда на суб'ект и об'ект [3]).

Устранение различий между марксизмом и фейербахианством в основном вопросе теории познания Плеханову удается не без натяжек. «Плеханов дал пересказ, а не перевод» (Ленин) [4]) второго тезиса Маркса о Фейербахе. Благодаря пересказу Плеханова общественная практика, обнаруживающая человеку «истинность, т.-е. действительность, лишь посюсторонность своего мышления» (перевод Ленина), превращалась в добавочный аргумент в пользу того, что мышление «не останавливается по сю сторону явлений» (перевод

[1]) Ленинский сборник XII, стр. 121.
[2]) См. нашу статью «Практика как единство суб'екта и об'екта», «Под Знаменем Марксизма» № 5 за 1929 г.
[3]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 130.
[4]) Ленин, Соч., т. X, стр. 81.

Плеханова). Основным критерием об'ективной истины для Плеханова является фейербаховское учение о единстве организма.

Принципиальная критика антиисторизма, отвлеченного натурализма, данная в тезисах Маркса о Фейербахе, для Плеханова представляет собой применение фейербаховского антропологизма. «Уже в своем третьем тезисе о Фейербахе, — говорит Плеханов, — Маркс вплотную подходит к самой трудной из всех тех задач, которые ему предстояло решить с помощью выработанного Фейербахом правильного понятия об единстве суб'екта и об'екта» [1]).

Третий тезис Маркса показывает всю бесплодность «фейербаховского отвлеченного человека» (Энгельс), показывает, что диалектика суб'екта и об'екта есть общественная практика. «Изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств», с другой стороны, «обстоятельства изменяются именно людьми». В общественно-историческом процессе возникает суб'ект, неразрывно связанный с предметным бытием данной общественной формации, с другой стороны, суб'ективная деятельность общественных людей изменяет бытие данной формы общественной жизни.

Третий тезис Маркса против Фейербаха рассматривается Плехановым, как применение учения Фейербаха. Как сильно было влияние Чернышевского, так непоколебим для Плеханова авторитет Фейербаха.

«Чтобы перейти, — говорит Энгельс, — от фейербаховского отвлеченного человека к действительным живым людям, необходимо было изучать их в их историческом развитии». Чтобы перейти к социально-историческому пониманию суб'екта, необходимо было преодолеть фейербаховскую теорию отвлеченного человека. Антропологизм Фейербаха, вынужденного «абстрагироваться от хода исторического развития», представляет основу философской аргументации Плеханова.

Недостаточное понимание Плехановым революционной — практической — деятельности в марксизме приводит его к ошибочной трактовке проблемы опыта. Опыт есть конкретная диалектика суб'екта и об'екта, опыт в своем рациональном и наиболее широком понимании есть всемирно-историческая практика.

Одна из основных проблем в теории познания, проблема опыта, может быть правильно решена только лишь в связи с критерием практики. Известно, что для Энгельса опыт, практика, промышленность являются почти синонимами. Опытная деятельность является определенной стороной практической деятельности. В опыте суб'ективная деятельность и независимая от суб'екта об'ективность выступают в единстве. Для философии марксизма опытная деятельность, обуславливает познание «об'ектов познания независимых от познания» (Ленин) [2]).

Не доходя до понимания исторической практики, Фейербах не мог дать правильное решение проблемы опыта. Принимая отвлеченное от общественной практики учение о суб'екте Фейербаха, Чернышевского, Плеханов допускает ряд грубейших ошибок «сплошную путаницу» (Ленин) в понимании того, что такое опыт.

«На стр. X — XI своего предисловия к «Людвигу Фейербаху» (изд. 1905 г.) Плеханов говорит: «Один немецкий писатель замечает, что для эмпириокритизма опыт есть только предмет исследования, а вовсе не средство познания. Если это так, то противопоставление эмпириокритизма материализму лишается смысла, и рассуждения на эту тему о том, что эмпириокритизм призван сменить собою материализм, оказывается пустыми и праздными». «Это — одна сплошная путаница» [3]), — говорит по поводу приве-

[1]) Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 197.
[2]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 125.
[3]) Там же, стр. 124.

денного Плехановым рассуждения Ленин. «Под словом «опыт» несомненно может открываться материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская, но ни определение опыта, как предмета исследования, ни определение его, как средства познания, ничего еще не решает в этом отношении» [1]). Ничего не решает потому, что определения опыта как средства познания и определение опыта как предмета исследования остается в пределах отвлеченного процесса мысли. То и другое определение органически не связано с практической деятельностью людей и конкретной реальностью внешнего мира.

К теоретико-познавательному принципу Фейербаха-Чернышевского, к их взгляду на единство суб'екта и об'екта Плеханов прибегает во всей своей литературной деятельности. Знаменитое положение Фейербаха: «Я — это я для себя и ты для других одновременно» — для Плеханова является центральным положением основных вопросов марксизма, то же положение является основой в критике кантианства, в полемике с Карлом Шмидтом и высшим критерием в письмах против Богданова.

В этой связи необходимо отметить апологетическое отношение к Фейербаху А. Деборина, видного ученика Плеханова-философа. Некритическое отношение к Фейербаху является одной из худших сторон философских взглядов Плеханова. Это «худшее у Плеханова» развивает и продолжает Деборин. Решение проблемы суб'екта и об'екта вне исторической революционной критики является недиалектическим решением основного вопроса философии.

Признавая, что принцип Фейербаха «насквозь диалектичен» [2]), Деборин считает существенное различие между марксизмом и фейербахианством в основном вопросе теории познания. В 1868 г. Маркс писал Энгельсу: «В Германии думают, что диалектика Гегеля—это дохлая собака». В этом отношении многое лежит на совести Фейербаха. По мнению Деборина «диалектическим методом Фейербах пользовался мастерски: можно сказать, что его мысль насквозь диалектична» [3]).

Вопреки той оценке, которую дал Фейербаху Маркс, Деборин, следуя Плеханову, превращает Фейербаха в диалектика.

Отношение человека к предмету, проблему опыта Плеханов рассматривает вне революционно-практическо-критической деятельности. Натуралистическое понимание проблемы суб'екта и об'екта, отвлеченное от исторического процесса, от определенных общественных формаций, претендовало на исчерпывающее решение того вопроса, полностью освещающее отношение людей к вещам и друг к другу в любой форме общества. На почве антропологии создавался общий шаблон для всех конкретных процессов истории. Отвлеченное натуралистическое решение проблемы суб'екта и об'екта, к которому склоняются Плеханов и Деборин, игнорирует качественно различные формы практики. Социалистическая и капиталистическая практика, труд в условиях капитализма и переходного к социализму периода, стираются в едином свете «гуманизма» и антропологии. Совершенно беспомощным остается «антропологический принцип» перед развертывающимся социалистическим соревнованием, ударничеством, перед новыми формами труда, практики, перед новыми отношениями суб'екта к об'екту. В противоположность капитализму труд у нас становится «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин). Труд становится первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни.

[1]) Там же ,стр. 125.
[2]) А. Деборин, Людвиг Фейербах, изд. 1929 г., стр. 228.
[3]) Там же, стр. 229.

Шаблонное антиисторическое разрешение основного вопроса философии, игнорирование революционной практики в философии и в политике коренится в самой социальной природе меньшевизма.

Антиисторизм является основной особенностью буржуазной идеологии, теоретическим продуктом всей социально-экономической природы капитализма. Антиисторизм в разрешении вопросов философии оппортунизма в отчетливой форме проявляется уже в первых работах Бернштейна в повороте от материалистической диалектики к Канту, характеризует всю теоретическую продукцию М. Адлера, К. Форлендера и др., находит свое выражение в отвлеченном натурализме Каутского. Антиисторизм в тактике характеризуется неумением понять различные этапы борьбы пролетариата в их необходимой связи с организацией победы пролетарской революции, применением общего шаблона,—подменой учета конкретных условий диалектического процесса общественного развития формалистическими силлогизмами. «Оппортунисты, — говорит Ленин, — ограничиваются применением ко всем случаям общего шаблона... Дума есть представительное учреждение,—следовательно, бойкот есть анархизм и надо итти в Думу. Таким детски простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков и в особенности Плеханова» [1]).

Диалектическая методология в тактике заменяется у Плеханова формально логическим доктринерством, полнейшим игнорированием учета конкретного процесса общественного развития. Конкретному историзму в диалектике противопоставляется отвлеченный шаблон, антиисторические схемы. Раскрытие сущности противоречий конкретного процесса в логике уступает место отвлеченно-абстрактной доктрине. «Резолюция меньшевиков о значении представительных учреждений в революционную эпоху чрезвычайно рельефно показывает этот шаблонный антиисторический характер их рассуждений. Наоборот, революционные социал-демократы центр тяжести переносят на учет конкретной политической ситуации» [2]), на учет всей конкретной противоречивости действительного процесса.

* * *

Фейербахианское разрешение основного вопроса философии приводило Плеханова к неправильному пониманию процесса логического мышления.

Для каждого, кто, хотя бы бегло, изучил историю философии, очевидна неразрывная связь понимания проблемы суб'екта и об'екта с трактовкой процесса мышления. Общеизвестна взаимообусловленность дуалистической теории вещи в себе и явления у Канта, с его трансцендентальной логикой, взаимообусловленность декартовского учения о материальной и духовной субстанции, с его пониманием научного метода.

Гносеологические исходные пункты диалектического материализма неразрывно связаны с теорией материалистической логики. Ленин неоднократно подчеркивает неразрывную связь между диалектической логикой и всемирно-исторической практикой, вскрывает взаимообусловленность между марксистским решением основного вопроса философии и методологией диалектического материализма.

Вопрос о том, как относится суб'ект к об'екту, как отражается материальный мир в процессе мышления, перерастает в проблему развития логических категорий материалистической диалектики. В этом своеобразие решения основного вопроса всякой философии в марксизме.

В практике, в конкретной диалектике суб'екта и об'екта, предмет деформируется в своих внутренних существенных связях. Диалектическая

[1]) Ленин, О бойкоте, Соч., т. X, стр. 26; разрядка моя *П. К.*
[2]) Там же; разрядка моя *П. К.*

логика вскрывает внутренние, существенные противоречия действительности. В практике суб'ективная деятельность переходит в об'ективную. В диалектической логике «Истина есть процесс от суб'ективной идеи к об'ективной истине» (Ленин) [1].

Логический процесс непосредственно связан с процессом практики. «От суб'ективной идеи человек идет к об'ективной истине, *через практику*» [2].

Для социально-исторического суб'екта в процессе общественной практики предмет выступает во всей своей целостности, обнаруживая в развитии практики свою внутреннюю структуру, свою действительную сущность. Для организма предмет доступен только лишь со стороны внешних свойств, доступны лишь стороны предмета, действующие непосредственно на его природу.

Материализм Фейербаха и Чернышевского исходил из натуралистически понятого суб'екта познания, ограничивая при этом познание об'екта внешней непосредственно-данной стороной его. Познать природу об'екта для созерцательного материализма означает познать его внешние свойства.

Антропологический принцип в философии, приводил к метафизическому отождествлению внутренней структуры предмета с ее внешними свойствами. Качество процесса отождествлялось со свойством вещи.

Отождествление качества предмета с его отношениями к другим предметам составляет одну из характерных особенностей философии французских материалистов XVIII в., Фейербаха и Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский в своем «Антропологическом принципе» полностью приравнивает понятие качества к понятию свойства. Известно, что тяжесть, давление, блеск, твердость, являются свойствами предметов, проявляющимися в отношениях к другим предметам, но тяжесть, давление — это не структура предмета, не качество предмета. «Железо, серебро, золото, — пишет Чернышевский, обнаруживают очень значительное количество того качества, которое называется тяжестью и мерилом которого у нас на земле служит вес... другое качество есть способность сжиматься от «давления» [3]. «Лед тверд и блестящ, что общего между твердостью и блеском? Логическое расстояние одного из этих качеств до другого безмерно велико» [4].

Следуя в данном вопросе философическим взглядам Чернышевского, Плеханов отождествляет свойства вещи с ее качествами. «Что же мы называем, — говорит он в статье «Трусливый идеализм», — качеством вещи? Ее *качествами — или*, чтобы употребить более общий и более точный в данном случае термин, ее *свойствами*, мы, материалисты, называем ее способность изменяться известным образом, при известных условиях и вызывать соответствующие изменения в других вещах, так или иначе связанных с ней. Пример: вода при 0° замерзает. Это ее способность замерзать при указанной температуре, несомненно, принадлежит к числу ее свойств» [5].

Понятие качества для Плеханова тождественно понятию свойства, понятие свойства — понятию качества. Это вполне правильно с точки зрения Гольбаха, Фейербаха и Чернышевского, но не выдерживает никакой критики с точки зрения марксистско-ленинской теории познания.

Качество процесса Плеханов понимает, как его форму отношения с другим процессом. Имманентный, внутренний характер качества выхолащивается. Качество, как внутренняя определенность, как специфическая форма бытия, приравнивается внешним отношением между процессами.

[1] Ленинский сборник IX, стр. 297.
[2] Там же.
[3] Н. Г. *Чернышевский*, Собр. соч., т. VI, стр. 195.
[4] Там же.
[5] *Плеханов*, Соч., т. XVII, стр. 115; разрядка моя. *П. К.*

Эта грубейшая методологическая ошибка, ведущая к непониманию особенностей внутренней закономерности, ведущая к политическому оппортунизму, к смазыванию внутренних противоречий, к замене их внешними.

Для Ленина понять качество процесса значит раскрыть его конкретное своеобразие, его особенность, понять природу внутренних предмету противоречий, познать борьбу, взаимное проникновение противоположностей, имманентных самому процессу. Из внутренних противоречий качества процесса может быть только понято отношение данного процесса к другим формам движения, свойства самого процесса. Из природы целого должны быть поняты отдельные стороны этого целого, «кусочки» этого целого. Примат целого над частью, целого над кусочком, качества над свойством является одним из основных положений логики марксизма-ленинизма и политической методологии большевизма. «Социалисты, — говорит Ленин, — должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаньем, которые нередко сбивают революционеров с истинного пути» [1].

Для Ленина категория качества — это определение вещи. «Качество — определение вещи или явления» [2], определение структуры вещи, ведущее мышление к раскрытию внутренней закономерности о сущности противоречий предмета.

Категория качества выступает, как ступень в процессе познания единства противоположностей, как ступень в познании сущности противоречий действительности. Категория качества отражает далеко не полно внутренние противоречия предмета, но в непосредственной форме здесь выступает целостность процесса, его специфичность, его отличие от других качественно своеобразных форм движения. Ленин, следуя Гегелю и Марксу, понимает под качеством определенность, специфичность процесса, ступень познания закономерности противоречий с самой сущности процессов.

Понятие о качестве и свойствах определенного качества Ленин обосновывает общим характером марксистской теории познания. Теория познания есть логика, есть диалектика. В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов [3]. Истинное познание есть познание самой сущности предмета. Познать вещь — это познать внутренние противоречия ее сущности.

Чернышевский, отождествляя понятия свойства и качества, вслед за французскими материалистами и Фейербахом ограничивает познание вещи, познание ее свойств. Свойства вещи и ее качества понимаются не как ступени познания, раскрывающие противоречивую сущность действительности. Свойства или, что то же для метафизического материализма, качества являются содержанием истины в теории познания.

Для французских материалистов, для Фейербаха и его русского последователя Чернышевского процесс познания раскрывает лишь свойства предмета.

«Мы не знаем, — говорит Гольбах, — ни сущности, ни истинной природы материи, хотя мы в состоянии определять некоторые ее свойства и качества, сообразно тому, как она на нее влияет».

«Душа познает лишь некоторые отдельные свойства предметов».

«Мы по нашей природе не способны познать то, что составляет сущность предмета, в нашем распоряжении нет никаких средств познать ее. Познание сущности вне наших сил», — говорит Робинэ.

[1] *Ленин*, Последнее слово искровской тактики, Соч., т. VIII, стр. 30.
[2] Ленинский сборник IX, стр. 291.
[3] Ленинский сборник XII, стр. 193.

«Нам неизвестна и останется всегда неизвестной... сущность материи и тела», — говорит Ламеттри.

Для Плеханова вышеприведенные положения Ламеттри, Гольбаха и Робинэ являются исходными пунктами критики кантианства (Плеханов, Соч., т. XI, стр. 10, 11).

«Плеханов, — говорит Ленин, — критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения» [1]).

Теория познания французских материалистов основана на учении о естественном человеке. «Естественный человек», отвлеченный отдельный индивид, рассматривается вне зависимости от развития общественной истории. Познание есть свойство природы естественного человека. Познать «по своей природе» (Робинэ) человек может лишь «свойства материи, которые открываются внешним чувством» (Ламеттри).

Ламеттри и Гольбах, исходя из своей теории отдельного чувственно-воспринимающего существа, последовательно приходили к выводу, что человеческому познанию «доступна лишь внешняя скорлупа явления».

Французские материалисты, высказывая эту мысль, по мнению Плеханова, «изменяли своей собственной теории познания» [2]). На самом же деле французские материалисты последовательно приходили от антиисторического понимания человека к отрицанию последовательного, ступенчатого познания внутренней структуры предмета.

Марксистская критика исторических взглядов французских материалистов является большой заслугой Плеханова. Но Плеханов не рассматривает исторические взгляды французских материалистов в единстве с их теорией познания.

Теоретико-познавательные воззрения французских материалистов, по которым «человеку даны лишь внешние свойства вещей», тесно связаны с их историческими взглядами.

Этого недооценивает Плеханов в своей критике французских материалистов. Критика Плеханова носит несколько формальный характер, сравнение с кантианством и т. п.

Критика французских материалистов для самого Плеханова была затруднена его отношением к Фейербаху. Ведь Фейербах «в XIX столетии был настоящим реставратором материализма XVIII века», он является «представителем этого материализма со всеми его преимуществами и недостатками» [3]).

Плеханов, для которого гносеология Фейербаха являлась в основном правильной, не мог избежать вместе с Фейербахом недостатков французского материализма.

Антропологическое, внеисторическое понимание суб'екта приводит Плеханова к признанию теоретико-познавательной формулы французских материалистов: «Познать предмет значит познать его свойства».

«У Ламеттри, — говорит Плеханов, — мы встречаем интересные замечания о том, что мы можем познать некоторые совершенно относительные свойства «внешних вещей»... Надо помнить, что слово «познать» вообще не имеет никакого другого смысла. Узнать данную вещь именно и значит узнать ее свойства. А что такое свойство вещи? Это именно тот способ, которым она на меня действует посредственно и непосредственно» [4]).

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 127.
[2]) Плеханов, Соч., т. XI, стр. 99.
[3]) Плеханов. Соч., т. XI, стр. 19.
[4]) Там же, стр. 93.

Защищая вышеприведенное положение Ламеттри, Плеханов противоречит своей же критике теории познания французских материалистов.

Плеханов соглашается с Гегелем, что «диалектика есть душа всякого научного познания» [1]), и наряду с этим признает чуждую диалектическому методу точку зрения на познание.

Эта двойственность Плеханова коренится в своеобразных условиях его собственного политического и философского развития. Практическая измена диалектическому материализму — оппортунизм, идейная преемственность русской общественной мысли, сильное влияние Чернышевского оставляло ряд положений теории познания Плеханова на ступени Фейербаха. Философские работы Маркса и Энгельса подводили вплотную к диалектическому материализму. Плеханов диалектик материалист выступает с критикой французского материализма, учит о связи теории познания с культурной историей, присоединяется к гегелевской критике точки зрения «человеческой природы». Плеханов последователь определенной традиции в русской общественной мысли, сторонник антропологического принципа в философии, соглашается с основным положением теории познания французских материалистов, ограничивает гносеологию связью с физиологически понятым, отрешенным от социальной истории индивидом.

С общественно-исторической практикой несовместима натуралистическая теория познания, с ее метафизическим пониманием отношения суб'екта к об'екту. Истинность мышления раскрывается в процессе углубления в действительность предмета. Процесс углубления мышления в действительность предмета есть исторический процесс.

Ничего общего с марксизмом не имеет философия Богданова, для которой «об'ективное познание сущности вещей, несовместимо с исторической условностью всякой идеологии» [2]). Величие теории познания диалектического материализма заключается именно в том, что об'ективное познание сущности вещей ею обосновывается материалистическим и историческим харектером познания.

«С точки зрения марксизма, — говорит Ленин, — исторически условны пределы приближения наших знаний к об'ективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей, до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно об'ективного познания» [3]).

Познание сущности вещей неразрывно связано с историческим характером познания, в этом особенность теории познания диалектического материализма, в этом отличие теории познания диалектического материализма от гносеологии французских материалистов, от Людвига Фейербаха и Чернышевского.

Материалистическая диалектика окончательно преодолевает дуалистическое понимание процессов бытия и мышления в своем учении о ступенчатом развитии категорий логического познания об'ективно существующего материального мира. Ступенчатый характер познания в диалектической логике неразрывно связан с историческим пониманием развития мышления.

Отвлеченное от социальной истории учение «о естественном человеке» энциклопедистов и фейербаховское понимание единства организма не создавали возможности окончательного преодоления дуалистической теории бытия и мышления.

[1]) Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 135.
[2]) Богданов, Эмпириомонизм, кн. III, стр. IV.
[3]) Ленин. Соч., т. XIII, стр. 111.

Понимая под процессом познания познание внешних сторон процесса, созерцательный материализм рассматривает отношение суб'екта и об'екта, как внешнее отношение. Неопределенный дуализм в теории познания французских материалистов существенно отличен от дуализма кантовской философии. Кант учит о полной невозможности познать материальный предмет в целом. Ламеттри и Гольбах допускают возможность познания свойств об'екта, указывая при этом полную неспособность мышления познать сущность материальных процессов. Дуализм суб'екта и об'екта выступает здесь в форме раздельности процесса познания от сущности материального предмета. Проблема истины в теории познания созерцательного материализма рассматривается вне зависимости от познания внутренних противоречий сущности вещей. Соглашаясь с материалистами XVIII столетия в том, что «познать данную вещь значит иметь правильное представление об ее свойствах», Плеханов должен признать их точку зрения на проблему истины. «Вопрос о том, может ли знание быть истинным», сводится для Плеханова к вопросу, «могут ли представления о свойстве вещи, возникающие у суб'екта, соответствовать, т.-е. не противоречить действительным ее свойствам?» [1]. Плеханов, высказывая свой взгляд на природу истинного познания, обходит проблему познания сущности вещей. Следуя принципам теории познания созерцательного материализма, Плеханов вслед за Фейербахом делает первые шаги в процессе преодоления метафизического дуализма бытия и мышления. Окончательно преодолеть гносеологическую метафизику делается возможным лишь на почве диалектической логики, на почве категории диалектической теории познания последовательно раскрывающих противоречивую сущность вещей.

Теория познания, для которой отношение мышления к бытию не переставало быть внешним, отрешенным от существа материальных процессов отношением, представляла собой материалистически непоследовательную, оставляющую лазейку для идеализма теорию познания. С точки зрения Ленина Плеханов допустил крупнейшую ошибку, приняв теорию иероглифов Гельмгольца.

Конечно, между учением метафизического материализма о познании одних лишь свойств действительного об'екта и иероглифической теории познания имеется существеннейшее различие. Для созерцательного материализма познаваемы действительные свойства об'екта, для иероглифической теории знания, — говорил Ленин,— ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображение их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п.» [2].

«Фейербах, — говорит Маркс, — хочет иметь дело с конкретными об'ектами», в этом его последовательный материализм. «Фейербахианец Альбрехт Рау, — говорит Ленин, — отвергает иероглифический или символический материализм, или полуматериализм Гельмгольца во имя последовательного материализма Фейербаха» [3].

Однако созерцательный материализм не устраняет полностью идеалистических искажений в теории познания. Фейербах высказал ряд идеалистических положений в своей критике религии. Отрыв процесса познания от сущности материального развития, допущенный Плехановым, не мог гарантировать его от ошибочной теории иероглифического материализма.

«Ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма» (Ленин), обусловлена недостаточностью ряда положений его теории познания.

[1] Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 116.
[2] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 190.
[3] Там же, стр. 193.

Для Плеханова целиком приемлем взгляд Фейербаха на суб'ект и об'ект. Это обстоятельство, как мы уже видели, мешало Плеханову правильно поставить задачу логической «теории отражения» конкретных об'ектов. Исходные позиции антропологизма Фейербаха могли быть преодолены более последовательным материализмом Маркса, или дополнены чем-либо совсем не последовательным. По старому пути пошел Плеханов, дополнив целиком для него приемлемый антрологизм в теории познания «иероглифическим материализмом». Несмотря на то, что Плеханов, под давлением Ленина, признавал ошибочность теории иероглифов, «иероглифический материализм» не был чисто-случайной ошибкой Плеханова [1].

Совокупность ошибок в теории познания Плеханова, вскрытая Лениным, представляет определенную единую тенденцию, обусловленную историческими условиями возникновения взглядов Плеханова на философию, обусловленную русским оппортунизмом периода 1903 — 1917 годов. Апологетическое отношение Плеханова к учению о суб'екте и об'екте Фейербаха и Чернышевского находится в непосредственной связи с его (Плеханова) непониманием теории познания, как диалектики, как логики. Непонимание диалектики, как теории познания, является причиной ошибочных суждений Плеханова в области философии. Понимание диалектики как теории познания несовместимо с натуралистическим разрешением основного вопроса всякой философии, несовместимо с ограничением познания познанием свойств вещи, несовместимо с иероглифическим материализмом.

Понимание диалектики как теории познания предполагает решение проблемы суб'екта и об'екта на почве социально-исторической практики, предполагает необходимость раскрытия путем мышления противоречий в сущности вещей.

Разбирая критику Плехановым различных направлений в буржуазной философии, Ленин показывает, на примере критики Плеханова, неразрывную связь между апологетическим отношением к фейербахианству и непониманием диалектики как теории познания.

Плеханов в критике кантианской и махистской теории познания исходит из основных положений философии Фейербаха, критикует «более по-фейербаховски» и «по-бюхнеровски».

«Плеханов критикует кантианство» (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine отвергает их рассуждения, а не исправляет эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» [2].

Показать связь и переходы понятий, раскрывающих конкретные формы материального движения, это значит понять теорию познания как диалектическую логику.

Плеханов, принимая антиисторический взгляд Фейербаха на проблему суб'екта в теории познания и известную формулу «познать предмет, значит познать его свойства», не мог понять теорию познания, как логику, как диалектику.

Для логики диалектического материализма процесс познания есть процесс раскрытия путем мышления об'ективных противоречий в самой сущности вещей.

Для диалектической логики, — говорит Ленин, — «человеческие по-

[1] А. Деборин смазывает всю глубину плехановской ошибки иероглифического материализма, утверждая, что «у Плеханова все дело сводилось только к терминологии, но не к существу вопроса» (Деборин, Ленин как мыслитель, стр. 45, изд. 2-е 1925 г
[2] Ленинский сборник IX, стр. 197—198.

нятия суб'ективны в своей абстрактности, оторванности, но об'ективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [1]).

Об'ективный характер логических положений основан на их непосредственной связи с историческим процессом практики.

Процесс и тенденция логических форм, категорий непосредственно связан с процессом и тенденцией определенных форм общественной жизни. Ленин определяет процесс познания, исходя из его истоков, из конкретно исторической диалектики суб'екта и об'екта, из практики, в которой суб'ективное и об'ективное взаимопроникают друг друга. Суб'ективное, абстрактное и об'ективное-конкретное в логическом процессе выступают в единстве. «Абстрактное и конкретное, — говорит Ленин, — единство противоположностей».

Исходя из антропологического понимания суб'екта в теории познания. Плеханов рассматривает логические понятия вне процесса, вне тенденции, абстрактно, суб'ективно. Рассматривая вслед за Фейербахом суб'ективность вне исторического процесса познания, Плеханов характеризует процесс познания, как процесс возникновения мыслей в отдельном индивиде. Процесс познания получает у Плеханова не логическую, а скорее суб'ективистически психологическую трактовку. «Знание, как и ощущение,—говорит Плеханов,—всегда суб'ективно, потому что процесс познания есть не что иное, как процесс возникновения известных представлений в суб'екте» [2]).

Логикой, научной методологией принимается во внимание процесс возникновения и исчезновения определенных представлений в суб'екте. Логика, теория познания исследует процесс воспроизведения путем мышления истинной сущности, противоречий материальной об'ективной действительности. Для логики процесс мышления есть процесс раскрытия об'ективной истины. Сама «истина есть процесс от суб'ективной идеи... к об'ективной истине». В такой форме проблема соотношения суб'ективного и об'ективного в логике может быть решена только при понимании связи проблемы истины с процессом исторического развития. «От суб'ективной идеи, — говорит Ленин, — человек идет к об'ективной истине через (практику и технику)» [3]). В теории познания суб'ективность получает не суб'ективистски-психологическую, а историческую и логическую характеристику. «Суб'ективность, по Ленину, есть стремление уничтожить отдельные идеи от об'екта» [4]). Ленинское понимание суб'ективности в теории познания представляет собой диалектически-логическое ее понимание. Теория познания, рассматривающая суб'ект, как «стремление уничтожить отдельные идеи от об'екта», становится методологией, логикой.

«Диалектика, — говорит Ленин, — и есть теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела), не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [5]). «Логика есть учение о познании. Есть теория познания» [6]). Ленинское понимание диалектической логики предполагает методологическую трактовку теоретико-познавательных проблем. Для Ленина диалектика и есть теория познания и есть логика.

У Плеханова вопросы диалектики рассматриваются отдельно от теории познания. Теория познания в ряде существенных пунктов совпадает с суб'ективно-понятой психологией.

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 249.
[2]) Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 115.
[3]) Ленинский сборник IX, стр. 297.
[4]) Там же, стр. 225; разрядка моя. *П. К.*
[5]) Ленинский сборник, XII, стр. 325.
[6]) Ленинский сборник IX, стр. 292.

Суб'ективистическое решение теоретико-познавательных вопросов приводит Плеханова к ряду ошибок. Продолжая до крайности суб'ективистические ошибки Плеханова, Л. И. Аксельрод полностью отождествляет теорию познания с психологией в смысле Локка.

«Психология без души, — говорит Аксельрод о философии Локка, — означает в его системе научное мышление без всяких метафизических предпосылок и примесей. Гносеология совпадает у него с психологией в обширном значении понятия последнего. Но, несмотря на такую правильную постановку задачи и начатки ее разрешения, выразившееся, прежде всего, в критике врожденных идей Локк не мог разрешить ее при условии научной мысли своей эпохи» [1]).

«Марксистская» теория познания, по мнению Аксельрод, продолжает «правильную научную постановку задачи» Локка. Суб'ективизм, в теории познания не совместимый с методологией диалектического материализма, представляет собой философскую реакцию даже в отношении к Фейербаху и Чернышевскому и приводит к худшим сторонам эмпиризма.

Присоединение к принципам философии Локка представляет собой сформулированный отказ от понимания теории познания как логики. Алогизм в теории познания Аксельрод имеет место в зародышевой форме у Плеханова.

Аксельрод, исходя из суб'ективистического понимания теории познания, по-своему последовательно защищает иероглифический материализм, выдвигая ряд придирчивых аргументов против ленинского методологического понимания логики, как теории познания, против теории отражения.

Плеханов говорил о Фейербахе: «Я защищаю все его философические взгляды, за исключением его взгляда на диалектику» [2]). Фейербаховскую трактовку вопросов теории познания Плеханов защищает, признает правильной. Теория познания для Плеханова—это воспроизведение теории познания Фейербаха. Непонимание Фейербахом диалектики не смущает Плеханова, не дает еще повод критически пересмотреть его теорию познания. Теория познания для Плеханова представляет особую область, особый круг вопросов. Проблема суб'екта и об'екта, критерий познания, возможности и границы познания, — все эти вопросы для Плеханова вопросы самостоятельные, не зависимые от проблем диалектики. Плеханов глубоко убежден, что вопросы теории познания разрешены до-марксовским материадизмом, в особенности Фейербахом. Маркс фейербахианскую теорию познания дополнил диалектикой, прибавил к ней диалектику. «У Плеханова общее понимание марксистской философии сводится к тому, что она есть... теория познания + диалектика» [3]).

Для Ленина диалектика и есть теория познания. В диалектической логике материализма находят свое решение основные вопросы теории познания. В диалектической логике материализма разрешается проблема суб'екта и об'екта. В категориях логики устанавливается реальная возможность и действительность познания. Только лишь при понимании диалектики как теории познания становится возможным установить действительную об'ективную связь между различными формами материального движения, становится возможным установить последовательность воспроизведения материальной конкретности в мышлении. В «ступенях познания», в категориях логики теории познания раскрываются мышлением в определенной последовательности законы конкретного диалектического развития. Метод, путь познания воспроизводит об'ективную закономерность диалектического процесса. Только лишь методологическое понимание теории познания делается

[1]) Там же, стр. 271.
[2]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 130.
[3]) М. Митин, За действительную разработку... «Правда» № 218.

возможным установить совокупность законов диалектики, единство, взаимосвязь этих законов. Только в единстве диалектики и теории познания может быть вскрыта суть диалектики, обнаруживающаяся в сложной совокупности ее законов.

Ленинское понимание диалектики как теории познания является критерием, «сутью» раскрытия об'ективных законов материального движения, критерием, устанавливающим единство этих законов, единство противоположностей. Плеханов не понимает этого критерия, не обращает внимания на эту «суть дела» (Ленин).

Условием познания единства противоположностей являются диалектика, понятая как логика, как теория познания. Для Плеханова осталось неизвестным «условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни» [1]). Для Плеханова осталась неизвестной диалектика как «философская наука» (Ленин).

«Вкратце диалектику, — говорит Ленин, — можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» [2]). Единство противоположностей раскрывается в законах об'ективного диалектического развития, как их сущность, является «ядром» законов прерывности и непрерывности, целого и части, всеобщего и единичного, необходимого и случайного. Процесс познания в логике диалектического материализма есть процесс раскрытия единства противоположностей. Познание представляет собой раскрытие определенных форм, законов единства противоположностей, установления связи и взаимозависимости этих законов. Существующее в различных формах материального движения единство противоположностей раскрывается в познании. Единство противоположностей понимается Лениным, как основной «закон познания и закон об'ективного мира», тем самым устанавливается единство диалектики и теории познания на почве рационального понимания единства противоположностей.

Плеханов не понимает единства противоположностей как «закона познания и закона об'ективного мира», он не ставит перед собой задачу последовательного раскрытия в теории познания закона единства противоположностей, не устанавливает единства соотношения различных форм единства противоположностей,—закона диалектики друг в друге. Диалектика, «учение о единстве противоположностей», в работах Плеханова не развита в философскую науку. Непонимание диалектики как теории познания единства противоположностей снижает плехановскую трактовку единства противоположностей до уровня суммы примеров.

Для Ленина в категориях диалектики последовательно, «ступенчато» раскрывается в различных формах существо противоречий материального движения, единство противоположностей, самодвижение об'екта. У Плеханова «тождество противоположностей берется как сумма примеров». «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его, — говорит Ленин,— ... есть суть (одна из сущностей, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики... На эту сторону диалектики обычно (напр., у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется, как сумма примеров, например, «зерно», например, первобытный коммунизм, а не как закон познания) и закон об'ективного мира» [3]).

В работе Плеханова «Основные вопросы марксизма» проблемы диалектической логики, законы диалектики вовсе не разбираются, весь философский раздел почти целиком посвящен изложению теории познания Фейербаха. В главе «Современный материализм» книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» почти отсутствует разбор философской теории

[1]) Ленин, К вопросу о диалектике, т. XIII, стр. 301.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 276.
[3]) Ленин, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, стр. 301.

марксизма. В главе «Немецкая идеалистическая философия» той же книги проблемы диалектики рассматриваются по принципу «например, зерно». В лучшей своей работе по вопросам философии, в статье «Гром не из тучи!», Плеханов аргументирует от примеров Чернышевского. «Чернышевский поясняет мысль Гегеля, беря в пример войну. «Пагубна или плодотворна война? — спрашивает он. — Вообще нельзя отвечать на это решительным образом: надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельства времени и места... Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества». Еще пример—дождь. «Благо или зло дождь? Этот вопрос отвлеченный, определенно ответить на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, вред; надобно спрашивать определенно: после того, как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь, — полезен ли он был для хлеба? Только тут ответ ясен и имеет смысл: этот дождь был полезен» [1]). Не ставя перед собой цели систематической разработки диалектического метода, не осознавая эту задачу, Плеханов ограничивается иллюстрацией отдельных положений диалектики. Основная суть диалектики—единство противоположностей—не могла и не может быть понята наглядно-иллюстрированным путем. Полезность дождя и войны, зависящая от места и времени, ничтожно мало еще говорит о характере противоречий «сущности вещей», об определенных законах диалектики. Последние могут быть обнаружены только лишь в последовательном раскрытии всей целостности определенных форм материального движения научной методологией.

В ряде отдельных положений Плеханов пытается выйти за пределы простого констатирования диалектичности определенных процессов, но эти попытки остаются разрозненными, не увязанными с общим характером его работы над диалектическим материализмом. «Маркс, — говорит Плеханов,— стал на ту конкретную почву, которая создала возможность научного отношения к предмету, т.-е. отношения к предмету с точки зрения закономерностей, совершающихся в нем процессов» [2]), но Плеханов не развивает эту мысль, не кладет ее в основу своей работы в области философии.

В предисловии к книге Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов подходит к ленинскому определению диалектики, как теории познания, формулируя положение в корне, противоречащее гносеологии Фейербаха, теоретико-познавательным принципам французского материализма и суб'ективистической теории иероглифов. «Без диалектики, — говорит он, — неполна, односторонняя, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания» [3]). Сказав, что без диалектики невозможна теория познания, Плеханов еще не устанавливает характера взаимосвязи между диалектикой и теорией познания, он указывает лишь в самой общей форме на существование этой связи.

Ленин в своих работах по философии выполнил огромную задачу разработки категорий диалектической логики, непосредственно увязывая методологию диалектического материализма с общественно-исторической практикой, вскрывая единство теории познания и логики, на почве истории человеческого познания. Вся совокупность ошибок Плеханова в политической практике и теории познания препятствовала разработке диалектики как философской науки. «Плеханов написал о философии (диалектике) вероятно до 1.000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы и т. д. и т. д.). Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т.-е. собственно диалектика как философская наука) ничего» [4]).

[1]) Плеханов, Гром не из тучи! «П. З. М.» № 5, 1928 г., стр. 12.
[2]) Там же, стр. 17.
[3]) Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 22, предисловие Плеханова.
[4]) Ленин, Ленинский сборник, XII, стр. 225.

Политическая практика меньшевизма упразднила задачу разработки диалектики как философской науки. Плеханов не приступил и не мог приступить к осуществлению этой задачи. «Нельзя без смеха читать, — говорит Ленин в своей работе «Шаг вперед, два шага назад»,—великолепные и гордые заявления г. Плеханова..., что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой...» [1]). Основной недостаток философии Плеханова заключается в непонимании диалектики как методологии познания конкретной действительности. Диалектика приобретает у Плеханова отвлеченный характер. «Абстрактные общие положения» (Ленин) иллюстрируются «суммой примеров», «суммой намеков». В противоположность Плеханову у Ленина в 1904 г. вполне складывается взгляд, согласно которому существо диалектики заключается в воспроизведении конкретных противоречий самого предмета, в воспроизведении внутренних противоречий, единства противоположностей самой действительности. «Беда т. Плеханова,— говорит Ленин,—состояла в том, что он пустил в обращение с у м м у н а м е к о в... Тов. Плеханов впал в беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Источник этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом т. Плеханов, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы во всей их конкретности» [2]).

Вульгарность сведения диалектики к сумме намеков, к сумме примеров является одним из существенных пунктов ленинской критики диалектики у Плеханова.

«Диалектика и есть теория познания... вот на какую сторону дела (это не сторона дела, а суть дела) не обратил внимание Плеханов»... «У Плеханова тождество противоположностей берется как сумма примеров» [3]). То, что Ленин специально формулирует отрыв теории познания от диалектики и вульгарное понимание закона единства противоположностей в 1915—1916 гг., не говорит еще о том, что эти существенные ошибки Плеханова не были ранее известны Ленину.

По существу те же аргументы противопоставлены Лениным в 1904 г. плехановскому оправданию уступок меньшевизму. Эти же аргументы воспроизведены и развиты во всей последующей борьбе с оппортунизмом.

Наивным и немарксистским было бы мнение, что Ленин подошел к пониманию основных недостатков плехановской диалектики только лишь после чтения Гегеля в 1914 году. Ошибки и общие недостатки теории познания Плеханова Ленин вскрывает на протяжении всего периода борьбы большевизма с политической методологией и тактикой меньшевиков. Специальная, систематическая работа над логикой диалектического материализма обусловила необходимость сформулировать проверенный всем развитием пролетарского движения общий недостаток философии Плеханова.

Недостатки философии Плеханова периода 1905—1917 гг. непосредственно обусловлены политической методологией меньшевизма. Замазывание задач революционного переворота, превращение тактики пролетарской революции в парламентскую дипломатию в 1905 г. уже выступает в отчетливом виде в меньшевистском лозунге «революционное самоуправление народа».

«В этом лозунге,—говорит Ленин,—или вернее в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на «диалектику», — ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности» Плеханова были сначала защищаемы, а потом разоблачаемы Плехановым.

[1]) Ленин, Шаг вперед, два шага назад, Соч., т. VI, стр. 293.
[2]) Там же.
[3]) Ленин, К вопросу о диалектике, Ленинский сборник XII, стр. 321—323.

Революционное самоуправление народа не пролог восстания, а его эпилог. Без победы восстания нельзя говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении» [1]).

Сведение последовательности диалектического процесса развития, к отдельным разрозненным этапам его, способ рассматривать различные этапы движения вне их целостного результата, в данном случае вне пролетарской революции, в которой каждый отдельный этап рабочего движения получает свою действительную ценность, характеризует тактику меньшевизма. Плехановское понимание диалектики отразило эту тактику сведением диалектической методологии, последовательно раскрывающей конкретные противоречия, к сумме отдельно взятых примеров имеющихся в действительности противоречий. В этой сумме примеров диалектики исчезала последовательность диалектического процесса, смешивались, спутывались этапы последнего, становилось невозможным разработать логику, диалектическую теорию познания, раскрывающую последовательно в познании действительную закономерность реального процесса. Необходимости раскрыть внутреннюю закономерность процесса противопоставлялась теория «запутанности стихийного процесса». Логике классовой борьбы пролетариата, партийной действенности, противопоставлялась тактика приспособления к стихийности существующего экономического развития.

««Искра» пыталась,—говорит Ленин,—защищать путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь де не знает резких границ... Пролог и эпилог в диалектическом процессе не редко де переплетаются. Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития всегда идет запутанно, высовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?» [2]).

* * *

Понять взаимоотношение между определенными категориями логики, установить взаимозависимость между законами диалектики можно лишь при условии понимания самого характера методологии диалектического материализма. Опираясь на всю совокупность исторических форм общественной практики, на рациональное понимание истории человеческого познания, логика диалектического материализма вскрывает реакционность, псевдо-научность буржуазной теории. Рассматривая кризис современного естествознания в тесной связи с тенденцией развития всего человеческого познания, Ленин отделяет в этом кризисе реакционное, вздорное от зарождения новых еще не осознанных современным естествознанием тенденций к диалектическому материализму. Критерием действительного понимания той или иной естественно-научной теории является диалектика как философская наука. Не обратив внимания на диалектику как теорию познания, склоняясь к наглядно эмпирическому толкованию диалектики, Плеханов не в состоянии дать действительную оценку современным ему естественно-научным теориям. Непонимание общего характера диалектики как науки ведет к позитивистическому не критическому отношению к теориям буржуазных ученых в области естествознания. Некритическим отношением к отдельным естественно-научным теориям Плеханов сближается с механистической ревизией марксизма.

[1]) Ленин, Последнее слово искровской тактики, Соч., т. VIII, стр. 307.
[2]) Там же.

Энгельс устанавливает невозможность сведения высших форм движения к низшим его формам. В органической жизни господствующими законами являются законы, не имеющие места в химической и механической форме движения. Химические и механические законы в области биологии выступают как подчиненные, как побочные формы движения. «В глазах материалистов XVIII столетия, — говорит Энгельс, — человек был машиной, как животные в глазах Декарта. Исключительное приложение мерила, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, т.-е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают действовать, но отступают назад перед другими высшими законами, — составляет первую специфическую неизменную тогда черту ограниченности классического французского материализма [1]). «По этому поводу, — пишет в примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Плеханов,—можно заметить, пожалуй, что и химия, и биология в конце концов сведутся к молекулярной механике» [2]).

Энгельс устанавливает, исходя из диалектического понимания законов качества и количества, принципиальную невозможность сведения биологии и химии к механике. В противоположность Энгельсу Плеханов настаивает на неизбежности сведения биологии и химии к механике.

Плеханов некритически воспринимает механистическую тенденцию современного ему естествознания, готов пожертвовать в угоду этой тенденции основными законами диалектической методологии материализма.

Своей «поправкой» Плеханов пытается опровергнуть Энгельса. Механистическая ревизия марксизма в своей борьбе против материалистической диалектики использовала «поправку» Плеханова. Тов. Степанов, доказывая необходимость сведения законов развития высших форм движения к механистическому движению, ссылается на Плеханова, как на марксиста, понявшего необходимость этого сведения. Борьба с механистической ревизией марксизма должна стать борьбой и с рядом ошибок плехановского понимания философии марксизма, должна быть действительной борьбой за диалектико-материалистическое овладение современным естествознанием. Ленин раскрывает диалектический характер кризиса современного естествознания, рассматривает в связи с этим кризисом буржуазные философские теории Маха и Авенариуса, устанавливает соотношение между диалектическим материализмом и физическими теориями строения материи. Теория познания диалектического материализма разрабатывается Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» в непосредственной связи со всей историей знания (абсолютная и относительная истина), в связи с современным естественнонаучным пониманием материи философское и физическое понимание материи). Ленин подтверждает методологию диалектического материализма современным естествознанием. Плеханов в своей поправке к Энгельсу капитулирует перед отрицательными тенденциями современного естествознания. «Не кто иной, как Ленин, — говорит т. Сталин, — взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии, наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной работе «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решался даже серьезно приступить к выполнению такой задачи» [3]).

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 46, 132.
[2]) Там же.
[3]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 80.

* * *

Не обратив внимание на диалектику, как теорию познания, допуская ошибочную трактовку законов качества и количества, сводя понимание единства противоположностей к сумме примеров, Плеханов не в состоянии был дать исчерпывающую критику формальной логики.

Критика формальной логики предполагает два неразрывно связанные друг с другом условия: 1) понимание диалектики как теории познания, категорий логики, как ступеней познания об'ективных законов материального мира, 2) понимание противоречий в сущности процессов единства противоположностей. Категории логики диалектического материализма отражают в познании конкретную противоречивость процесса. Законы тождества различия и основания отражают единство противоречий в сущности самых вещей, раскрывают единство противоположностей процесса.

Формальная логика дает в корне неверную трактовку законов тождества, различия и основания, определяя эти законы вне процесса развития вещей, вне самодвижения конкретных форм материи, обособляя тождество от различия, различие от основания. Категории тождества, различия и основания являются категориями теории познания диалектического материализма и могут быть правильно поняты только лишь из общего характера диалектики, как теории познания. Дать правильное понимание тех законов, которые в течение двух тысячелетий являлись основными законами метафизического мышления, можно только исходя из того, что диалектический процесс познания есть последовательно ступенчатое познание противоречий в сущности вещей.

Исходя из формулы: «познать предмет — значит познать его свойства», Плеханов не может дать исчерпывающую критику формальной логике. Недостатки этой формулы сказываются в недостатках плехановской критики метафизического мышления. Ограничение познания познанием свойств вещи делает невозможным рассмотрение теории познания как логики, отражающей в мышлении противоречия сущности самого об'екта. Ограничивая познание познанием свойств вещи, невозможно установить последовательность категорий логики. Ведь сам порядок категорий диалектики основан на том, что в каждой последующей категории даны в более полном, развернутом виде противоречия сущности самого предмета, ибо каждая последующая категория является конкретнее предыдущей. Порядок категорий обусловлен их содержанием, содержание категорий познания заключается в полности отражения противоречий сущности процесса.

Для Плеханова категории тождества, противоречия и основания не существуют, как ступени познания противоречий предмета. Разбор законов формальной логики Плеханов ограничивает вопросом о принадлежности предмету определенных свойств. «На каждый определенный вопрос о принадлежности данному предмету данного свойства надо, — говорит Плеханов, — отвечать или да, или нет. Это не подлежит сомнению. Но как прикажете отвечать в том случае, когда предмет изменяется, когда он уже утрачивает данное свойство или пока еще только приобретает его? Само собой разумеется... что определенным ответом будет здесь только ответ, построенный по формуле да — нет, нет — да». Вопрос о взаимоотношении формальной и диалектической логики решается Плехановым в плоскости изменчивости или неизменности определенных свойств предмета, на почве внешних форм проявления процесса. Такое решение вопроса недостаточное, а потому неправильное. Изменчивость и относительная неизменность свойств находит свое об'яснение в сущности процесса, внешнее находит свое об'яснение во внутреннем, является формой проявления внутренних противоречий процесса. Тождественность, постоянство, устойчивость опре-

деленного свойства, изменение и возникновение данного свойства не могут быть рассмотрены вне зависимости от тождества и противоречия сущности процесса, от единства противоположностей, имманентного предмету. Для Ленина положительное решение проблем, связанных с основными законами формальной логики, возможно лишь как всестороннее решение проблемы единства противоположностей.

Критикуя формальную логику в отвлеченных границах внешней стороны процесса, Плеханов относительную неизменность определенных свойств не об'ясняет внутренней природой противоречий процесса, не об'ясняет относительную неизменность свойств диалектической природой сущности процесса. К об'яснению относительного постоянства свойств процесса Плеханов применяет не диалектическую логику, а логику формальную. «Когда речь идет об отдельных предметах, — говорит Плеханов, — то в суждениях о них мы обязаны следовать... и вообще руководствоваться «основными законами» мышления (формальной логикой. *П. К.*). В этой области царствует любезная т. Бернштейну «формула»: да — да и нет — нет» [1]). Формальная логика у Плеханова получает свою автономию. В области отдельных предметов и неизменных свойств царствуют законы да — да, нет — нет. Покой, частный случай движения, понимается не как особая форма движения, а рассматривается отвлеченно от движения. В общем правильная, известная аналогия Плеханова между покоем и движением и между формальной и диалектической логикой конкретизуется неправильно. Абстрактное понимание тождества и абстрактное понимание противоречия, на котором метафизическое мышление односторонне строило целую логическую систему, находят свое правильное истолкование только в диалектической логике.

Для иллюстрации возьмем те же примеры, на которых Плеханов пытается доказать автономию формальной логики. «Если нам укажут на планету Венеру и спросят, существует ли эта планета, мы не колеблясь ответим: да. А если нас спросят, существуют ли ведьмы, то мы столь же решительно ответим: нет» [2]).

Для Плеханова эти определенные ответы об'ясняются рассуждением по принципам формальной логики, на самом же деле эти ответы лишь подтверждают преимущество диалектического мышления.

Ленин основной недостаток формальной логики видит в ее полной оторванности от теории познания. Формальная логика ограничивается чисто-описательной характеристикой отдельных форм мышления. Метафизическая логика не ставит вопрос о «соответствии с истиной» (Ленин) определенных логических положений, отвлекается от соответствия форм мысли с конкретной действительностью. Для Ленина формальная логика не приемлема в своей основе. Логика действительного мышления есть вместе с тем теория познания.

На вопрос, существуют ли ведьмы?.. формальная логика может ответить решительно: нет, но может столь же решительно ответить: да. Содержание ответа не интересует эту логику, для последней важно лишь установить принципиальную несовместимость между «нет» и «да», между отрицанием и утверждением. Устанавливая существование планеты Венеры и отсутствие ведьм, мы выходим за пределы формальной логики, рассматривая конкретные противоречия действительности, существующие в природе процессы развития.

Рассматривая конкретную противоречивость процессов природы, мы применяем и должны применять диалектическую методологию. Последняя раскрывает противоречивость процесса, обосновывая в то же время ряд

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах, предисловие Плеханова, стр. 17.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 191.

категорий, раскрывающих определенность предмета, его относительную неизменность.

Категории диалектической логики: «качество», «вещь», «целое», «закон» дают исчерпывающее об'яснение определенности предмета, раскрывают эту определенность на основе всей конкретности противоречивого развития. Диалектическая логика дает исчерпывающее об'яснение необходимости определенного ответа, дает это об'яснение, исходя из самой конкретности процессов природы и общества.

Известные формулы «да — да», «нет — нет» могут быть правильно поняты только в свете диалектической логики и не могут быть конкретно поняты при метафизическом способе мышления.

Ленинское или — или накануне пролетарской революции обосновано всей совокупностью общественных отношений в России, самой природой Февральской революции. Ленинская формула «кто—кого» определяется всем существом переходного периода от капитализма к социализму, социалистическим строительством в переходный период.

Диалектическая логика материализма, большевистская революционная практика обнаруживали полную беспомощность, отвлеченность формально-логической дедукции в логике и в политической методологии меньшевизма.

Для формалистической дедукции характерно стремление непосредственно вывести из общих положений чисто умозрительным путем ряд выводов. Вся совокупность выводов, для отвлечения дедуктивной теории, целиком заложена в посылках. Для логики диалектического материализма принципиально неприемлема теория отвлеченных силлогизмов. Диалектическая логика раскрывает, воспроизводит конкретную совокупность противоречий действительности. Теория простого логического развития общей истины является полным игнорированием материалистической диалектики. Политическую методологию меньшевизма характеризует теория простого логического развития общей истины. Ленин обнаруживает формализм, как основную особенность методологии в тактике меньшевизма. «Способ рассуждений,—говорит он,—нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т.-е. стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма, сплошная насмешка над диалектическим материализмом» [1]).

Теория простой логической дедукции из общей истины принципиально отлична от логики диалектического материализма своим подходом к вопросу об абстрактном и конкретном. Для формалистической теории общие посылки полностью и целиком обуславливают собой все выводы... Вместо воспроизведения конкретного процесса в мышлении, в абстракциях, выступает логическое выведение одной абстракции из другой. Верность посылок не гарантирует еще целиком правильности выводов, верные посылки ведут лишь к правильному пониманию конкретной действительности. Выводы из посылок верны лишь постольку, поскольку отражают конкретность происходящих в действительности процессов.

В спорах между большевизмом и меньшевизмом о характере революции 1905 г., в спорах о тактике социал-демократии в этой революции, полностью был обнаружен теоретический формализм Аксельродов, Мартовых, Плехановых и т. д. Теоретический формализм обосновывал тактику поддержки буржуазии, являясь оправданием предательства пролетарской революции. «В буржуазной революции нельзя социал-демократии не поддерживать бур-

[1]) Развитие капитализма в России, предисловие ко 2-му изд. 1907 г., Соч., т. III, стр. 8; разрядка моя. *П. К.*

жуазной демократии,—таково основное положение Плеханова и его присных, — говорит Ленин, — и из этого положения прямо и непосредственно делают вывод о поддержке кадетов. А мы говорим: посылка верна, а вывод никуда не годен, ибо еще надо разобрать, какие партии или течения выражают собой в данный момент силу, действительно способную на борьбу, силу буржуазной демократии» [1]).

Рассуждения меньшевиков и Плеханова о характере революции 1905—1907 гг. представляют ряд формалистических выводов, обнаруживают полную неспособность учесть конкретные противоречия общественного развития. Рассуждения Плеханова в этот период представляют собой ряд аргументов, оправдывающих поддержку буржуазных партий. Оппортунизм в политике обуславливал опошление марксизма в теории. Материалистической диалектике противопоставлялась формалистическая дедукция. Революция буржуазна,— рассуждали меньшевики,— следовательно, буржуазия является движущей силой этой революции, следовательно, основной задачей социал-демократии является непосредственная поддержка буржуазных партий.

Это насквозь формалистическое рассуждение ничего общего не имеет с методологией диалектического материализма. «Если наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию,—говорит Ленин,—то отсюда нельзя делать вывод о руководящей роли буржуазии, как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опошление марксизма, есть карикатура на марксизм» [2]). Опошление марксизма потому, что полностью игнорируется основное в диалектическом методе, раскрытие противоречий в сущности самого конкретного процесса, карикатура на марксизм, потому что всестороннее исследование общественного процесса подменяется рядом доводов, имеющих только лишь формальную связь друг с другом.

Антимарксистский формалистический уклон представляет собой форму просачивания меньшевистской идеологии в философию.

Неверный в своем существе формализм в политической методологии меньшевизма характерен неумением учесть основное, существенное в процессе развития. Формализм знает только внешнюю связь между определенными событиями. Сущность процесса и его внешнее проявление. Движущие силы революции и политические события для меньшевистской логики являются событиями одного и того же порядка. Парламентская дипломатия приравнивается к классовой борьбе, подменяет собой организацию пролетарской революции. Внешние, случайные события общественной истории рассматриваются, как основные, определяющие характер политики партии причины.

Диалектическая методология раскрывает противоречия в самой сущности вещей, в этом ее основное отличие от логики формального вывода. Каждое последующее положение логики диалектического материализма раскрывает полнее, всестороннее, глубже сущность процесса. Каждый последующий вывод для теории формальной логики не отражает более глубоких более существенных связей процесса. Доводы формальной логики, вне зависимости от их последовательности, имеют одинаковое значение; их истинность обуславливается лишь только их взаимной непротиворечивостью. Рассматривая какой-либо факт, сторонник формальной логики останавливается на нем, подыскивая ряд доводов для его оценки. Разбираемое событие оказывается необ'яснимым, доводы приобретают чисто-суб'ективное значение, логика подменяется софистикой.

«В благородном деле подмены диалектики софистикой, — говорит Ленин, — Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и

[1]) Ленин, По поводу одной статьи в органе Бунда, Соч., т. X., стр. 207; разрядка моя. *П. К.*

[2]) Ленин, Большевики и мелкая буржуазия, Соч., т. XI, стр. 25.

еще Гегель говорил справедливо, ибо «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к конкретным движущим силам, к развитию производительных сил и классовой борьбе» [1]).

Брошюра Плеханова «О войне» представляет яркий образчик софистики, прикрывающей оборонческую, буржуазную политическую позицию. Примитивная, подлая теория «зачинщика», рассуждение на тему, кто на кого напал, франкофильство, апология Антанты характеризуют Плеханова 1914—1917 годов. Во всех этих доводах, разумеется, не было ни грана диалектики. Материалистическая диалектика подменялась формалистической, кантианским подходом к историческим процессам, неприкрытым суб'ективизмом. «Мы видим... на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении» [2]). Оппортунизм перерастает в 1914—1917 гг. у Плеханова в буржуазное политиканство, в прямую помощь империалистической политике.

Ленинская оценка Плеханова этого периода была краткой. «Буржуа,— писал он в письме к Н. Д. Кикнадзе в октябре 1916 г.—Следует ли, что я данного буржуа Плеханова теперь буду признавать за социал-демократа? Нет, не следует». Споры между Лениным и Плехановым идут уже не по вопросам марксизма, не по вопросам понимания революционной тактики и теории, споры перерастают в классовую вражду, практически закрепившуюся всем периодом от февраля до октября 1917 года.

* * *

Ленин вскрыл совокупность ошибок в марксистской философии Плеханова. Эти ошибки перерастают в определенную чуждую марксизму ревизионистскую теорию у Аксельрод. Эти ошибки по своему теоретическому содержанию сближаются с философией современной социал-демократии М. Адлера, К. Форлендера и К. Каутского. Эти ошибки воспроизведены механистической и формалистической ревизией марксизма.

Нужно, однако, твердо помнить, что у Плеханова определенная совокупность неправильных мыслей существует с правильным ортодоксальным марксизмом. Работы Плеханова против народников, кантианцев и Богданова направлены на защиту ортодоксального марксизма, эти работы должны быть рассмотрены как классические произведения в марксистской литературе. Критика суб'ективной социологии Михайловского и К° многим способствовала организация марксистской партии в России. Значение, которое имела книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», огромно. В статьях против Верштейна, в статьях против «гносеологической схоластики» Конрада Шмидта велась борьба за революционную теорию партии пролетариата. Плеханов был ближайшим союзником Ленина в борьбе против антимарксистских взглядов Богданова. «Нельзя, — говорит Ленин, — быть сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее в международной литературе марксизма». Это лучшее в международной литературе марксизма должно быть изучено в непосредственной связи с ленинской критикой ошибок Плеханова.

[1]) Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 274.

[2]) Ленин, Социализм и война, Соч., т. XXVIII, стр. 203.

Философское наследие Плеханова является наглядным доказательством того, что ортодоксальный марксизм несовместим с оппортунистической политикой. Работы Плеханова в области философии показывают, как вступают в необходимое противоречие правильные положения философии марксизма с меньшевистской политикой, как искажаются, извращаются эти положения практической изменой пролетарской революции.

Антиисторизм в политической методологии меньшевизма находит свое непосредственное выражение в недостаточном понимании Плехановым революционной практической деятельности. Формализм политической методологии меньшевизма нашел свое выражение в кантианских ошибках Плеханова, в непонимании последовательной связи теории познания и диалектики в марксизме. При изучении философских работ Плеханова, это обстоятельство должно быть взято за основу на ленинском этапе философии диалектического материализма, когда единство философии и большевистской политики становится критерием работы над диалкетическим материализмом.

Философия буржуазных реставраторов.

(*кондратьевщина*).

П. Вышинский.

События в истории повторяются дважды,—говорил Маркс,—один раз как трагедия и второй как фарс.

Народничество — это было трагедией. Мелкобуржуазный и уже тогда, по существу, реакционный утопизм «общинного социализма» расцвел в морозную пору Александровско-Николаевского режима. Это была трагедия мелкобуржуазной интеллигенции, отвечавшей на язвы растущего капитализма мечтой о патриархально-идиллическом укладе жизни. Это была трагедия напрасных усилий, крах утопических надежд.

Неонародничество в советских условиях — это фарс. «Народолюбцы», «друзья народа» и тогда представляли собой реакционное течение. «Марксизм, — писал Ленин, — смотрит на народничество в целом, как на направление не социалистическое, не классовое, не рабочее, а м е л к о б у р ж у а з н о е. Было время, когда народники считали эту оценку их направления со стороны марксистов просто бранным словом, резким полемическим приемом. Но время показало, что тут не было ничего похожего на «брань», а была трезвая классовая научная оценка» (Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 243). С тех пор происходило безостановочное вырождение народничества в эсерство («неонародничество»), и, наконец, их жалкие эпигоны в советских условиях дошли до того, что создали «крестьянскую партию» с целью свержения диктатуры пролетариата. Эти обломки исторического прошлого скатились к контрреволюционной мечте о реставрации помещичье-капиталистического строя и о кулацком перерождении советской власти. Но они не только мечтали, но, об'единив вокруг своей эсерствующей группы также меньшевиков и кадетов и заручившись поддержкой интервентов, они занялись активной вредительской работой над осуществлением своей мечты. Все свои силы они приложили, чтобы повернуть колесо революции вспять. Но из этого вышел только фарс. Карающая рука пролетарской диктатуры вырвала с корнем вредоносную кондратьевщину и бросила ее под откос.

Было бы неправильно, конечно, на том основании, что это — фарс, недооценить все значение этого эпизода классовой борьбы в реконструктивный период. Э т о ф а р с в и х с у д ь б е. Для нас же это сигнал к тому, чтобы повысить нашу бдительность, покрепче встряхнуть тех, кто потерял пролетарское классовое чутье к врагам пролетарской диктатуры, и особенно крепко ударить по тем в наших рядах, которые не смогли противостоять обволакиванию их контрреволюционной вредительской идеологией, ударить по бесхребетному правому и «левому» оппортунизму, в теории и на практике смыкающемуся с кондратьевщиной.

Идеология буржуазных реставраторов прошла в своем развитии несколько фаз. Было время, когда они надеялись на мирную эволюцию, на незаметное перерождение пролетарской диктатуры — сменовеховщина, устря-